

Амир закричал от боли и упал на колени, отчаянно пытаясь развести руки. Я несколько неуклюже подбежал к нему и ударил его плечом, повалив на пол. Эстер была всего на мгновение позади меня, и когда он упал, она злобно ударила его коленом по голове. Она повторила ещё раз, и Амир потерял сознание.

«У тебя есть скотч?» кричала она мне. Я выдернул один из ящичков стола, чтобы вытащить скотч. Через несколько секунд мы скрестили руки Амира, его пальцы все еще были зажаты между металлическими кубиками.

После того, как Эстер обмотала его ноги изоляцией, она в недоумении повернулась ко мне. Что, черт возьми, это были за кубики? — она потребовала. — Я никогда не видела ничего подобного.

Я действительно покраснел. Это неодимовые магниты, — сказал я ей извиняющимся тоном. Это невероятно сильные магниты из редкоземельных металлов. Я увидел их в научном каталоге и купил парочку из любопытства. Но я никогда ничего с ними не делал, потому что они меня пугали. Каждый из них имеет тяговое усилие около 140 фунтов. Это был единственный способ удержать его от взрыва проклятого жилета.

Боже, неудивительно, что он не мог развести руки. Мне почти его жаль, — воскликнула она. Я не был уверен, что это сработает, — признался я, — но я чувствовал, что должен что-то предумать. Эстер ничего не сказала; она просто посмотрела на меня долгим оценивающим взглядом.

В этот момент мы услышали ужасный глухой удар, и входная дверь распахнулась. Несколько человек ворвались в дом с автоматами. «ФБР», — крикнул один из них. Все на землю с поднятыми руками.

Потребовалось время, чтобы разобраться во всем. После того, как агенты наконец разобрались, что все мы те за кого себя выдаём, они занялись Амиром. Сначала они осторожно срезали «жилет мученика», который на нем был, а затем обезоружили. Один из агентов присвистнул. — Это бы разнесло весь дом, если бы он взорвал его.

Только после этого с террориста отрезали ленту и попытались развести его руки. Чтобы развести их, потребовалось два агента, и террориста разбудила боль. Он быстро схватился за курок своего жилета, только чтобы понять, что его больше нет, и он беспомощен. На мгновение он признал поражение, но затем он повернул голову и посмотрел на Эстер и меня. — Вы думаете, что победили, но вы ошибаетесь. Даже если бы вы знали, что искать, было бы слишком поздно, чтобы остановить шестерни механизма. Моя жизнь не имеет значения, халифат поднимется, как и прежде. Аль Андалус!» — крикнул он, а затем заскрипел зубами в улыбающейся гримасе.

Я услышал небольшой треск, а затем почувствовал запах горького миндаля.

— Черт, — крикнул один из агентов, — он принял яд!

Медик, работавший с руками Амира, крикнул своему партнеру: — Амилнитрит...

стат! Поддержите его под носом и попытайтесь заставить его вдохнуть! Но у Амира начались судороги, и через две минуты он вообще перестал дышать.

— Цианид, — выругался медик. — У него, должно быть, был искусственный зуб. В последний раз я слышал о том, чтобы кто-то использовал один из них, еще в двадцатом веке.

После того, как Амира погрузили в мешок для трупов и бесцеремонно вытащили в машину скорой помощи, произошел только один драматический инцидент. Один из агентов подошел к Джинни и вежливо спросил: — Вы Вирджиния Селфридж?

Когда Джинни кивнула, он сказал: — Миссис Селфридж, вы арестованы за соучастие в убийствах и терроризме.

«С этими словами он начал читать ей ее права, а она ахнула и запротестовала. — Нет, нет, я не имел ко всему этому никакого отношения. Я понятия не имела, что он террорист, — кричала она, но агент проигнорировал ее протесты и спокойно надел на нее наручники.

Она снова плакала и повернулась ко мне со страхом в глазах. — Томас, помоги мне.

Ты должен что-то сделать. Дай им понять, что я не участвовал в этом. Амир обманул меня!

Я должен признать, что получил огромное удовольствие от этого момента.

— Извини, Джинни, я не могу тебе помочь. Ты сама навлекла на себя все это. В следующий раз тебе нужно будет лучше выбрать человека, с которым ты собираешься переспать.

Когда агент вывел мою уже бывшую рыдающую жену за дверь, я повернулся к одному из других агентов.

— Неужели они действительно собираются привлечь ее как сообщницу? — спросил я.

— Не-а, — сказал он, — мы знаем, что она виновата только в том, что она тупая и распутная шалава без обид. Но мы собираемся допрашивать ее ещё несколько дней, чтобы узнать всё об Амире, его методы, его сеть и все любую информация, которую она может знать про него. Не думаю, что она встретит Новый год в кругу своих близких друзей, а не сокамерниц. И ещё сэр мы с моими парнями не любим изменщиков, неважно Родины или супруга, так что мы можем сделать вам какое-нибудь маленькое одолжение.

Чёртики в моей голове придумали неожиданный и небольшой план мести, Джинни всегда боялась разговаривать, а тем более заниматься анальным сексом. Это было для неё табу, ах да прелюбодеяние до недавних пор тоже было для неё табу. Так что весы должны были быть уравновешены...

— Спасибо, и да есть к вам маленькая просьба: возможно, это прозвучит немного странным, но возможно Амир использовал Джинни как капсулу для хранения своей информации. Возможно, ли проверить аппетитную задницу этой изменчивой шлюхи, очень тщательно и промыть пока она будет пребывать в изоляции, вдруг там может присутствовать нужная информация по Амиру.

— Да, сэр это звучит неожиданно, но мы обязаны провести данную проверку очень скрупулезно. Это дело чести узнать всю имеющуюся информацию об Амуре из любых источников и любыми доступными нам способами, а ещё и с удовольствием. Да и она вернется домой со странной походкой наездницы и не сможет какое-то время спокойно сидеть, и с месяц банка с пепси не будет держаться в её сраке, а просто пролетать со свистом в её бездну, — довольно ответил он мне.

Довольный, я повернулся и подошел к Эстер. Медик осмотрел осколочное ранение на ее руке. — Оно будет заживать какое-то время, — сказал он, — но я не вижу никаких признаков инфекции и не думаю, что это доставит вам какие-нибудь проблемы, когда она полностью заживёт. Затем он подмигнул ей, что я не должен был видеть, и добавил: — Но на вашем месте я бы подал иск о халатности против того, кто вас зашивал. Это худшие швы, которые я когда-либо видел!

Она повернулась, коснулся моей руки и слегка улыбнулась сказала. — Я обязательно учту это.

Затем ее поведение изменилось, она встала и пошла искать главного оперативника. Когда она нашла его, она попросила его сопроводить в Форт Мид. — Теперь, когда нам больше не нужно беспокоиться об Амуре, нам нужно взяться за разгадку Аль-Андалусы как можно быстрее, и нам понадобится вся помощь, которую мы можем там получить.

Очевидно, главный оперативник заранее звонил, потому что, когда мы добрались до штаб-квартиры АНБ в Форт-Миде, нас встретили как высокопоставленных лиц. Вооруженная охрана отвела нас на высотный лифт, который доставил нас прямо на верхний этаж. Оттуда нас провели в офис директора АНБ — место, где я никогда не был и никогда не ожидал быть. Помимо директора, нас познакомили с высокопоставленными представителями ФБР и ЦРУ. — Я настолько выше своей зарплаты, что даже не могу увидеть свой уровень отсюда, — подумал я про себя.

Нас с Эстер попросили рассказать о событиях, предшествующие сегодняшним событиям. После нашего рассказа, присутствующие лица добавили дополнительную информацию о происходящем. Суть в том, что все три агентства теперь были убеждены, что крупная террористическая атака под кодовым названием Al Andalus, должна была произойти в ближайшее время. Их основная версия была, что это канун Нового года, и наиболее вероятная цель была где-то в Израиле, хотя были и другие предполагаемые цели. Более того, все были согласны, что компьютерный вирус, который мы исследовали, сыграет решающую роль. Но после этого не было согласия ни в чем, и группа начала спорить. В какой-то момент представитель ЦРУ позвал Эстер, и они двое покинули кабинет директора. После их возвращения, лицо Эстер приняло странное выражение. Она наклонилась и прошептала: — У меня только что был интересный телефонный звонок. Мы вытащили главу Моссада из постели! Мне приказали оставаться с вами и помогать вам, чем я могу.

Прежде чем я ответил, директор АНБ повернулся ко мне.

— Мистер Селфридж, мне сказали, что вы очень хорошо решаете подобные головоломки. Мне также сказали, что вы уже некоторое время работаете над вирусом Аль-Андалус. Наконец, мы знаем, что ИГИЛ было так обеспокоено тем, что вы могли раскрыть, что они поручили двум своим главным агентам остановить вас. По всем этим причинам я попрошу вас собрать команду, чтобы взломать этот код и помешать его цели. Какие бы ресурсы от АНБ вам ни понадобились, вы можете получить их по запросу.

Он помолчал и кивнул Эстер.

— Мне также сообщили, что мой коллега в Тель-Авиве хотел бы, чтобы мисс Фриман также была частью вашей команды. Это правильно, мисс Фриман?

Когда Эстер кивнула, Директор встал.

— Остальным предстоит сделать гораздо больше, но я думаю, было бы лучше, если бы вы двое вернулись к этому вирусу как можно быстрее.

Он, должно быть, подал какой-то сигнал, потому что в дверь вошел мужчина и проводил нас в рабочую зону на нижнем этаже. Он указал на компьютерные терминалы и телефонные станции с шифрованием и сообщил нам что можем чувствовать себя как дома.

— Я буду за дверью, если вам понадобится любая моя помощь, — сказал он нам.

Офис, который нам дали, не был обычным конференц-залом. На стенах было множество телевизионных экранов, на которых были видео из крупнейших городов со всего мира, а также транслировались новости в прямом эфире из этих городов. Под каждым экраном были установлены часы, показывающие местное время.

— Смотри, они показывают 5:30 30-го, но в Израиле сейчас наступает канун Нового года. Если атака запланирована на полночь, у нас мало времени», — сказала Эстер.

Я вызвал на компьютере свою терминальную сессию, что бы продолжить работу над вирусом. Код прокручивался у меня в голове и на экранах, символ за символом, строка за строкой. Я испробовал на нем различные приложения, надеясь его вскрыть, но все мои попытки взлома были четны. Я ушёл с головой в работу, и потерял счёт времени. Кто-то принес бутерброды, и я съел его машинально, даже не поняв какой был у него вкус. Мои глаза начали уставать, и закрыл их, чтобы дать им переждыху.

31 декабря

Я проснулся от руки Эстер, трясущей мое плечо. Я смотрел на нее в замешательстве, но все, что она сделала, это указала на часы Тель-Авива. Было 31 декабря, 13: 00. Я в замешательстве посмотрел на другие экраны и увидел, что здесь, в Вашингтоне, уже 6 часов утра. Внезапно с одного из телевизионных мониторов начали раздаваться звуки взрывов, но когда я отчаянно стал искать нужный экран, нашёл, что это Новая Зеландия, а не Израиль, и это были всего лишь фейерверки, а не звуки взрывов и хаоса.

Я начал понимать и осознавать, глядя с опаской на Эстер. «Что в Окленде сейчас наступил Новый год. Время неумолимо ускользало от нас».

Я посмотрел на экран своего компьютера, но отображаемый на нём код не выглядел более понятным, чем вчера вечером. Мне казалось очевидным, что вирус был написан для заражения проприетарной операционной системы, но я знал, что по всему миру используются тысячи, если не миллионы таких систем. Единственным, кто мог распознать системный код, был тот, кто регулярно над ним работал. Нам нужно было искать другой подход.

Я повернулся к Эстер и сказал: «Может быть, способ решить эту головоломку — это оставить код в покое на некоторое время и попытаться выяснить, смысл действий террористов. Если мы узнаем их цель, возможно, мы узнаем средства для этой атаки, и это даст нам представление, где может быть использоваться этот код.

— Давайте начнем с простого. Плохие парни часто используют вирусы для кражи номеров учетных записей, паролей или других конфиденциальных данных. Кража кучи государственных секретов может создать большие проблемы, но я не понимаю, как это могло бы помочь ИГИЛ. Кроме того, это имеет значение только для скрытого шпионажа.

— Наши люди думают так же. Мы считаем, что ИГИЛ хочет нанести сокрушительный удар, — согласилась она.

— Хорошо, допустим, им удалось снести самое высокое здание в Иерусалиме или Тель-Авиве. Как это поможет им восстановить халифат? — спросил я.

— Если они взорвут Кнессет или что-то аналогичное, — сказала она, — это непременно вызовет потрясение по всей стране. Но это не ослабит израильские вооруженные силы, и ИГИЛ должно знать, что мы ответим на это всеми возможными способами. Конечно, на это они не пойдут.

— Согласен. Еще одна ближневосточная война будет разрушительной, но пока ни одна из них не закончилась для арабов хорошо. На их месте моей целью был бы нокаутирующий удар, что-то, что полностью бы разрушило само государство Израиль. Поставь себя на их место, что можно сделать? — сказал я

Мы с Эстер несколько минут играли в «а что, если», потом ее лицо побледнело.

— Если бы я была ИГИЛ, я знаю мою цель: Димона.

— Ядерный объект в пустыне Негев? — спросил я.

— Стопроцентно. Если бы им удалось его уничтожить, они могли бы превратить Государство Израиль в новый Чернобыль, — сказала она.

Этот сценарий меня ужаснул, но к Эстер, казалось, вернулось самообладание.

— Я не могу рассказать вам подробностей, но это место так же надежно защищено, как ни одно другое место в Израиле и, возможно, в мире. Они не могут даже приблизиться к нему, не говоря уже о его разрушении, — сказала она.

Именно тогда в прямом эфире из Сиднея был показан фейерверк, взорвавшийся над культовым оперным театром, когда Земля продолжила свой неизбежный марш навстречу новому году. Я посмотрел в сторону, но снова вернул свой взгляд на экран. Взрывающийся фейерверк дал мне подсказку.

— Это грёбанные ПАТРИОТЫ... Цель вируса ракеты» Патриот!!! — заорал я

Я бросился к двери нашей комнаты и обнаружил нашего координатора снаружи.

— Нам нужны люди, которые производят ракетную систему «Патриот». Доставь их сюда немедленно, хоть на чёрте принеси — кричал я.

Пока мы ждали, Эстер позвонила по телефону в Тель-Авив. Большая часть ее разговора была на иврите, поэтому я не понял, что она говорила, но разговор временами был довольно жарким.

После этого я спросил ее, что происходит.

— Проклятые силы обороны Израиля убеждены, что их система не могла быть взломана и с Яхоломом все в порядке, — ответила она

— Что такое Яхолом? — спросил я.

— Это наше название системы Patriot. Они думают, что мы гоняемся за призраками — сказала она.

Я зашел в интернет и попытался найти информацию о системе Patriot. Пока я просматривал различные ссылки, дверь открылась, и в комнату вошел молодой человек в куртке с логотипом Raytheon.

— Мы делаем систему Patriot, — весело сказал он.

— А теперь слушай? — я быстро объяснил нашу гипотезу и показал ему на компьютере наш вирус. Он смотрел на экран несколько минут, и скучающее выражение его лица начало меняться, после чего быстро вытащил свой ноутбук и начал проверять строки кода.

Через несколько минут он посмотрел на нас и сказал: «Вот дерьмо».

— Что это такое? — потребовала ответа Эстер.

— Это просто задница, нет, это просто огромная жопа, — сказал он.

Он указал на свой ноутбук.

— Это операционная система для системы радиолокационного слежения «Patriot AN / MRQ-65».

Он указал на компьютерный терминал, которым я пользовался.

— Ваш вирус был написан для изменения данных перехвата, которые радар загружает в ракету. Это небольшое изменение, но при скорости и расстоянии, необходимых для перехвата, «Патриот» полностью промахнется по намеченной цели.

Я повернулся к Эстер и выплюнул: — Вернитесь в ЦАХАЛ и скажите, что у нас есть подтверждение, что вирус нацелен на «Патриотов». Затем убедите их еще раз проверить

операционные системы, чтобы убедиться, что они заражены.

Я вернулся к технологу Raytheon и предупредил его:

— Не уходи никуда — ты нам понадобишься.

Потом я позвонил в офис директора. И сообщил им следующие новости:

— Сэр, теперь у нас есть подтверждение, что вирус атакует ракетную систему «Патриот». Мы не знаем наверняка, но мы думаем, что целью является Израиль, возможно, ядерный объект в Димоне. Да, сэр, наша следующая задача — попытаться выяснить, как это остановить.

Эстер тоже говорила по телефону, и когда я повесил трубку, она сердито смотрела на меня.

— Это научит этих идиотов лучше работать. Они уже обнаружили признаки вируса Аль-Андалус в одной из установок «Патриот», а сейчас проверяют остальные, — сказала она. Специалисты Raytheon заявили:

— О, они обязательно его найдут. Все установки предназначены для взаимодействия друг с другом. Таким образом, они создают «зонты» защиты. Если один из них заражен, можно поспорить, что и все они тоже.

Мы с Эстер уставились друг на друга.

— Так как же нам это исправить? — я спросил его.

— Что ж, я никогда не слышал, чтобы в одной из наших систем был вирус, но теоретически это должно быть довольно просто исправить. Все, что вам нужно сделать, это заменить AN / MPQ на каждой из ракетных батарей на новый, — сообщил специалист Raytheon.

— Разве вы не можете просто установить новую операционную систему? — спросил я.

— Эти системы не похожи на Mac или ПК. Аппаратно — программное обеспечение интегрировано, у вас есть подсистемы, работающие во всем устройстве, и все они работают вместе. Единственный способ убедиться, что у вас чистая система — это её замена — сказал он.

— Хорошо, сколько времени это займет? — спросил я.

— О, от восьми до двенадцати часов.

— Уже ближе к делу, — сказала Эстер.

— Конечно, это не учитывает времени доставки, — продолжил технолог.

— Доставка откуда? — тревожно спросил я.

— С нашего завода в Андовере, штат Массачусетс, — сказал он.

Я откинулся на спинку стула и в отчаянии посмотрел на Эстер.

— Это не сработает, — сказал я.

Я снова повернулся к парню из Raytheon.

— Нам с тобой придется попытаться придумать что-то лучшее», — сказал я.

Мы работали над проблемой часами. Я пытался рассказать ему, как работают вирусы, а он пытался научить меня системе «Патриот». Мы топтались на месте.

Позже приехали еще инженеры-программисты из Raytheon, и мы начали искать способ излечить или уничтожить вирус. Проблема заключалась в том, что их система была проприетарной, специфичной для устройства «Патриот». Раньше они никогда не сталкивались с вирусом, нацеленным на их систему, и у них не было способов решения этой проблемы. Легкий и очевидный ответ для них было поменять единицы. Но это не только займет слишком много времени, но и всю систему придется отключить во время передачи, оставив то, что они защищают, без защиты. Фактически, мы выполним работу вируса для ИГИЛ.

Первый инженер начал расстраиваться.

— Смотри, если вы беспокоитесь о ракетной атаке, лучше всего уничтожить ракеты на земле

до того, как они будут запущены. Устраните непосредственную угрозу, и вы можете заменить систему слежения «Патриот» позже, — сказал он.

Эстер встала и начал ему говорить:

— В Первой войне в Персидском заливе в 1991 году Иракцы выпустили ракеты «Скад» по Израилю, чтобы попытаться вовлечь нас в войну и расколоть коалицию. Военно-воздушные силы коалиции направили десятки самолетов на поиски Скада, пытаясь найти и уничтожить ракеты до того, как они будут запущены. По большей части они потерпели неудачу, потому что ракеты были на замаскированных грузовиках, хорошо спрятанных в пустыне. Это было более 20 лет назад, когда ракеты были большими и громоздкими. Современные ракеты меньше по размеру, их труднее найти и легче стрелять. Так что хватит медлить и больше работать!

— Да, мэм, — он сглотнул и снова повернулся к своему монитору, пока я пытался скрыть свою улыбку. Ситуация была напряженной, но я не мог не быть впечатлен тем, какой природной харизмой обладала Эстер.

В этот момент она схватила меня за руку и указала на экран с прямой трансляцией из Тель-Авива. «Сейчас полночь!» она ахнула. Все в комнате остановилось и нервно смотрели, что там происходит. Эстер наклонилась и прошептала: «ЦАХАЛ в полной боевой готовности, и мне сказали, что ваши военные также готовы «.

Но сцены из Тель-Авива не показали ничего ужасающего. Эстер с облегчением рассказала мне, что от Димоны вообще не было никаких тревожных сообщений. После этого ребята из Raytheon хотели вернуться домой, но мы не позволили им уйти.

— Слишком многое поставлено на карту, сказала Эстер, и небольшая группа неохотно вернулась к своей работе.

Через некоторое время один из них поднял голову и спросил:

— Кто-нибудь знает, что такого особенного в 1.492?

Я посмотрел на него с недоумением.

— Ничего такого, что я могу придумать — почему вы спрашиваете?

— Потому что это отклонение, которое вирус добавляет к данным наведения, чтобы отвести ракеты. Это просто кажется каким-то знаковым числом, подумал я, имеет ли оно какое-то значение, — сказал он.

Один из других техников вскочил.

— 1—4—9—2? Я знаю, что это означает.

Затем, к нашему удивлению, он запел детский стишок:

— В 1492 году Колумб плавал по синему океану...

Все в комнате засмеялись, кроме Эстер, у которой было странное выражение лица. Она быстро подошла к одному из компьютеров и проверила.

— Это оно! — крикнула она.

Мы все в замешательстве посмотрели на нее, и она быстро объяснила.

— Всем известно, что король Испании Фердинанд и королева Изабелла отправили в экспедицию Христофора Колумба в 1492 году. Но большинство из нас забыли другое важное событие 1492 года. Это был также год, когда последний эмир сдал Гранаду королеве Изабелле, в результате чего конец Аль-Андалусу.

Затем ее лицо побледнело, и она вернулась к компьютеру.

— Боже, посмотри на это, датой капитуляции эмира было второе января. Томас, нападение

никогда не планировалось в канун Нового года, оно произойдет на следующий день. ИГИЛ хочет отомстить за это позор, — выдохнула она.

— Готова поспорить, они планируют начать свою кампанию по возвращению Аль-Андалуса в тот же день!

Ребята из Raytheon смотрели на нее, как будто она говорила на иврите, но мне это показалось вполне правдоподобным. Эстер сразу же позвонила в Тель-Авив, и я попросил нашего координатора доставить меня в офис директора.

После того, как я объяснил, что мы обнаружили, он задумчиво кивнул.

— Судя по тому, что я знаю об этих людях, я думаю, что вы правы. Они никогда не забывают старое и хотят взять реванш в годовщину поражения.

Он начал набирать номер по телефону, но остановился, чтобы посмотреть на меня.

— Теперь вы и ваша команда должны найти способ их остановить.

Когда я вернулся в нашу комнату, инженеры Raytheon скопились вокруг одного из терминалов. Им удалось установить безопасную связь между Форт-Мидом и Андовером, и теперь они работали с тестовой версией системы управления огнем «Патриот».

Следующие часы были потрачены на то, чтобы найти способ уничтожить вирус. Но разработчики системы никогда не сталкивались с необходимостью хирургического вмешательства в операционной системе «Патриот», и у них не было возможности изолировать пораженные области.

— Это похоже на эпидемию и распространено по всей системе, и мы не можем взять над ней контроль, — простонал один из техников.

1 января

Пока мы лихорадочно работали, Новый год в Израиле прошел без происшествий. Хотя мы с Эстер были рады к ее предсказанию, это означало, что мы были намного ближе к предполагаемой атаке. Наконец, ко мне подошёл руководитель технической группы Raytheon.

— Мы не можем уйти с мёртвой точки. Мы можем предложить только две вещи. Во-первых, необходимо выключить все зараженные устройства и полностью обнулить их программные системы, включая все периферийные устройства. Затем мы загрузим программное обеспечение, которое чистое, загрузим его и протестируем. Но это трудоемкий процесс, и даже в этом случае мы не можем быть уверены, что новая система не будет заражена также как до этого.

Я покачал головой и разочарованно повернулся к Эстер.

— Мы можем попробовать это, но я не думаю, что мы сможем завершить работу прежде чем в Израиле снова наступит полночь. Кроме того, мы не можем так долго отключать всю систему защиты Димона. Что, если атака наступит раннее вовремя?

Она выглядела побежденной, и я чувствовал, что проигрывал. Я снова повернулся к людям Raytheon.

— Есть ли еще идеи, что мы можем предпринять, какая-то процедура проверки ошибок, которая распознала бы проблему и остановила вирус?

Бедный парень виновато покачал головой.

— Когда система была разработана, возможность вируса никогда не рассматривалась. Теперь эта проклятая болезнь заразила всю систему, и у нас просто нет противоядия, чтобы убить его, или вакцины, чтобы вылечить его.

Я начал говорить, но слова застряли у меня в горле, когда мне в голову пришла идея из

далекого прошлого.

— Оспа! — заплакал я. Когда он в замешательстве посмотрел на меня, и я продолжил.

— С оспой борются прививкой от оспы, только более слабой формой заболевания.

Возможно, мы не сможем убить вирус, но что, если мы заразим систему другим, своим вирусом? — сказал я с нарастающим волнением.

Группа скептически посмотрела на меня.

— Послушай у нас есть вирус, который заражает систему «Патриот» и заставляет ее выдавать неверные данные о целях, данные, которые отличаются ровно на +1, 492 градуса? Что, если мы напишем второй вирус, точно такой же, как Al Andalus, за исключением того, что наша версия заставит «Патриот» наводиться на — 1, 492 градуса? Разве они не компенсируют друг друга, — сказал я.

Программисты начали спорить между собой, горячо обсуждая идею. Через двадцать минут ко мне снова повернулся руководитель группы.

— Некоторые из наших ребят думают, что это может сработать, но остальные сомневаются. Откуда мы знаем, что два вируса не вызовут более серьезной проблемы? Откуда мы знаем, что они могут взаимодействовать, и существовать одновременно? Мы даже не знаем, можем ли успешно «заразить» систему «Патриот» второй раз. У нас не будет времени проверить это должным образом.

— Послушайте, ребята мы уже знаем, что оригинальный вирус очень заразен и, вероятно, будет очень эффективным. Если мы создадим вирус, идентичный первому, за исключением изменённых значений, он должен заработать. У нас есть другие варианты? — сказал я.

Было еще много дискуссий, но, в конце концов, группа неохотно признала, что создание антивируса Аль-Андалус было лучшим шансом, который у нас был. Они приступили к созданию антивируса, тщательная проверка и перепроверка, чтобы убедиться, что все, кроме нужных значений, абсолютно идентично.

Пока они работали, Эстер схватила меня за руку и обеспокоенно посмотрела на меня.

— Ты уверен, что это сработает, Томас? Если ты ошибаешься...

Я посмотрел на нее и внезапно почувствовал те же эмоции, что и в старшей школе, когда хулиганы напали на Джинни. Я верил в это и не собирался отступать.

— Это правильный шаг, я уверен в этом, — яростно ответил я.

Она посмотрела мне в глаза на мгновение, а затем сказала: — я верю в тебя.

Следующие несколько часов были напряжёнными. Одни члены группы проверяли и перепроверяли антивирус, в то время как другие договорились передать код техническим специалистам на местах в Израиле. Израилтяне, в свою очередь, были настроены «повторно заразить» системы «Патриот», а затем протестировать их, чтобы убедиться, что антивирус сработал.

Между тем, когда часы приближались к полуночи в Тель-Авиве, мы с Эстер проводили время, казалось бы, на бесконечных встречах с десятками людей, все из которых очень скептически относились к нашему плану. Наконец мы вернулись в кабинет директора, где после долгих, а иногда и жарких споров, он посмотрел на своих коллег из власти и сказал: — Если кто-то еще не готов предложить другое решение в следующий час, давайте прекратим разглагольствовать и начнем действовать.

Было очевидно, что остальные не довольны, но у них не было другого выхода. После того, как встреча закончилась, директор подошел ко мне и Эстер и сказал тихим голосом:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, ради всевышнего.

Я не мог ничего сказать, поэтому просто кивнул, и директор, казалось, принял это. Он сделал нам знак.

— Хорошо, тогда вы двое уже проехали на этой лошади так далеко, вы заслуживаете того, чтобы довести это дело до конца. Пойдемте со мной.

С этими словами он провел нас на крышу здания, где ждал вертолет с выключенными двигателями. Мы поднялись на борт, и птица тут же взлетела. Я никогда раньше не летал на вертолете и находил это довольно нервным, но Эстер несколько не волновалась. Это снова напомнило мне, как мало я о ней знал.

Через несколько минут я выглянул в окно и увидел безошибочную форму нашего пункта назначения: Пентагон. Я никогда раньше не был в Пентагоне. Вскоре мы приземлились на одной из вертолетных площадок, и нас сразу же провели вглубь внутренних помещений командного центра США. Вооруженный охранник ждал возле невзрачной двери, и когда мы подошли, он открыл ее и пригласил нас внутрь. Комната, в которую мы вошли, представляла собой длинный прямоугольник. Большую часть центра занимал большой овальный стол. Сиденья были расположены напротив огромного монитора с плоским экраном, который занимал стену в дальнем конце комнаты. За столом сидело больше генералов, адмиралов и других высокопоставленных чиновников, чем я когда-либо видел в своей жизни.

Нас с Эстер пригласили к одному из стульев, стоявших вдоль боковых стен. В другом конце комнаты я заметил директора, который приказал мне ехать в Ок-Ридж. Он быстро отвернулся, когда увидел, что я смотрю на него.

Через несколько минут свет погас, и все повернулись к гигантскому плоскому экрану. Сначала единственный свет исходил от двух индикаторов времени в нижней части экрана. На одном был изображен Вашингтон, округ Колумбия, на другом — Тель-Авив. Эстер с тревогой прошептала: «В Израиле почти полночь!»

Внезапно большой экран начал показывать вид на землю, но я не мог понять, что я видел. Затем экран мигнул, и внезапно снова появился тот же вид, на этот раз с «нормальной» ориентацией север-юг. Я мог видеть линию огней, которая, казалось, очерчивала берега океана, а также скопления огней и из других городов.

Затем на экране появились линии, обозначающие национальные границы, а вокруг крупных городов появились круги с названиями. Я понял, что смотрю вниз со спутника на весь Ближний Восток в ночное время. Внезапно экран увеличился, затем увеличился еще больше. Теперь все, что я мог видеть, это то, что казалось огнями маленького городка в пустыне, рядом с которым проходит шоссе. Подпись гласила: Димона. «Слишком близко», — раздался голос, и тогда показалось, что мы карабкаемся сквозь атмосферу. Теперь я мог видеть побережье Средиземного моря в северо-западном углу экрана и темную область на востоке. «Это Мертвое море», — прошептала мне Эстер, указывая на фотографию.

«Немного подальше, пожалуйста», — сказал голос, и внезапно мы смогли увидеть весь Израиль и части соседних стран. «Хорошо. Мы приближаемся к 24 часам», — сказал бестелесный голос, и внезапно Эстер очень крепко сжала мою руку. Экран мог выглядеть как какая-то презентация для СМИ, но ее беспокойство напомнило мне, что там внизу были настоящие люди.

— Смотри на север и северо-восток, — снова прошептала она. — Вот откуда, мы думаем, будет нападение.

— Сирия или Ирак? — спросил я.

Она только кивнула.

Индикация времени отсчитывала секунды, и я заметил, что в комнате не было ни звука. Наконец, когда часы показали 24: 00, я услышал коллективный вздох. Но ничего такого, что мы могли бы увидеть, не происходило.

Шли секунды, и я слышал шепотом комментарии. «Я же тебе сказал... « Я услышал, как кто-то сказал, а потом ногти Эстер впились в мою руку. «Там!» — сказала она, указывая на крошечную оранжево-красную стрелку, поднимающуюся из пустыни к северу от Израиля. Потом расцвела еще одна и еще одна. Сначала казалось, что каждая почти остановилась, но затем они начали закручиваться и лететь на юг. С северо-востока полетели новые стрелы.

— Черт возьми, — воскликнул кто-то, — эти ублюдки действительно сделали это. Их должно быть больше двух десятков.

— Вероятно, Скад-Д, — предположил другой голос.

Пылающие стрелы миновали Иерусалим и летели над Мертвым морем.

Кто-то поставил на Димону маркер с таймером, и даже неопытному глазу было очевидно, что это была их цель. Это было похоже на просмотр фильма катастрофы в замедленной съемке: я не хотел на это смотреть, но был загнипнотизирован, и не мог отвернуться.

Внезапно вокруг Димоны появились новые вспышки, а затем в воздухе поднялись новые стрелы света.

Время, казалось, ползло очень медленно, и стрелки часов как будто не двигались, пока я не убедился, что наш антивирус не сработал, а «Патриоты» летели правильным курсом. Затем большой желтый цветок появился в ночном небе почти прямо над Димоной, и почти сразу же тьма наполнилась огненными цветами, которые светились, а затем, казалось, улетали прочь.

Затем Эстер обняла меня и дико целовала. «Ты сделал это! Ты сделал это!» воскликнула она. Обняв ее в ответ, я услышал одобрительные возгласы людей в комнате. Затем голос сказал: «Ситуация у Димоны: одна ракета прошла». Эстер резко обернулась, и мы оба уставились на экран.

«Ракета, очевидно, сбилась с курса и попала к югу от города; сообщается только о незначительных повреждениях». Было еще больше одобрительных возгласов.

Внезапно я задохнулся и понял, что не дышал вовремя атаки. Но прежде чем я успел что-то сказать, на дисплее появилась новая серия запусков, только они исходили от Государства Израиль.

«Что происходит?» — спросила я в замешательстве, но когда я взглянул, Эстер уже пристально смотрела. «Патриоты — не единственные ракеты, которые у нас есть», — сказала она, не отрываясь от экрана. «Это» Далила «, крылатые ракеты наземного базирования с кассетными боеприпасами.

Мы будем по радару отслеживать путь каждого Скада, для определения его местоположения. А теперь мы открываем ответный огонь. Она повернулась ко мне, и на ее лице появилось волчий оскал. «Вы же не думали, что мы оставим это без возмездия, не так ли?»

Пока я смотрел, контрольные огни направлялись на север и восток. Но на этот раз я понял, не было «Патриотов», которых нужно было защищать от надвигающейся смерти. Я тогда отвел взгляд.

Я тихо сидел в своем кресле и наблюдал за поздравительными объятиями и рукопожатиями по всей комнате. Вскоре после этого Эстер была вызвана, чтобы ответить на телефонный

звонок, и тогда я действительно почувствовал себя одиноким человеком. Через некоторое время меня нашёл помощник директора. «Сэр, директор АНБ будет здесь ненадолго. Он проинструктировал меня предложить вам услуги вертолета, чтобы доставить вас и мисс Фриман, куда вам угодно».

Эстер вернулась именно тогда, и мы двое последовали за нашим сопровождающим через коридоры к вертолетной площадке. Я думал, она будет танцевать от счастья, но она казалась несколько подавленной. Когда мы сели в вертолет, она наклонилась к пилоту и спросила: «Не могли бы вы доставить меня в международный аэропорт Даллеса?»

— В чем дело? — удивился я.

— Вы знаете, у нас говорят: «око за око, а зуб за зуб», — сказала она с мрачным выражением.

— Ответный ракетный удар, который ты видели там, был «око за око». Теперь меня снова вызвали, чтобы я был частью наземной операции «зуб за зуб». Сегодня вечером я улетаю на первом самолете в Тель-Авив.

— О... Я подумал, может быть... угрюмо сказал я.

Она улыбнулась и сжала мою руку.

— Я бы тоже хотела отпраздновать, но мы не всегда решаем такие вещи.

Вертолет преодолел двадцать пять миль до Даллеса за очень короткое время, и затем Эстер уже улетаала. Она повернулась ко мне и взяла мои руки в свои. «Вы меня во многом удивили, Томас Селфридж. Я никогда не забуду вас. «Затем она быстро поцеловала меня и ушла прежде, чем я успел придумать, что ей сказать.

На обратном пути в Колледж-парк у меня было странное настроение. Теперь, когда все было позади, события прошлой недели казались нереальными, как сцены из фильма, промелькнувшие в моей памяти. Места, в которых я был, люди, с которыми я встречался, то, что я делал — ничто из этого не казалось реальным. Я знал, что отчасти проблема заключалась в том, что за эту неделю мои эмоции менялись так часто как взлёты и падения на русских горках. Это было похоже на наркоз, и мне было трудно избавиться от последствий.

Но когда я вернулся домой, Мне пришлось войти через боковую дверь, потому что к моей разбитой входной двери был прибит лист фанеры. А в гостиной был такой же хаос, как и тогда, когда я был там в последний раз. «Думаю, это был не сон», — криво усмехнулся я себе.

Мне удалось найти что-нибудь из еды в холодильнике, а затем я вернулся в гостиную, где я поправил перевернутый стул и плюхнулся на диван. Может быть, это просто выброс адреналина, но я начал чувствовать себя подавленным. Я взглянул на часы и понял, что уже почти полночь. Блин, рождественские каникулы закончились, и мне нужно было завтра быть на работе.

Я вернулся в спальню и включил свет.

Повсюду вокруг меня были следы Джинни: фотографии, ее одежда, мебель, которую она выбрала. Я посмотрел на кровать и не мог не задаться вопросом, были ли они с Амиром здесь когда-нибудь...

Это было уже слишком. Я схватил одеяло и вернулся в гостиную, чтобы попытаться заснуть на диване.

2 января

На диване было не очень удобно спать, и я рано проснулся. Но мне действительно не терпелось узнать, что газета Washington Post написала о нападении ИГИЛ. Я не ожидал, что имя попадет в репортаж, но не мог не задаться вопросом, будет ли там хоть какое-нибудь

упоминание о команде, разработавшей «антивирус».

Но обложке ничего не было, и когда я внимательно просмотрел внутри нее, то ничего не нашел. «Как они сохраняют что-то подобное в секрете?» поинтересовался я.

Я приступил к работе в обычное время, и все казалось нормальным. Мои коллеги не выказывали никаких признаков подозрения в чем-то необычном.

— Как прошел твой отпуск? — спрашивали они, и я понял, что у них не было возможности узнать, что произошло. Это было немного утомительно.

Затем, примерно через час, меня вызвали к боссу Бена. Когда я вошел, я улыбался, ожидая поздравлений и, может быть, чего-то еще, но вместо этого он нахмурился. Он поднял документ с моей подписью.

— Когда вы заключили контракт с АНБ, вы подписали клятву о не разглашении событий на работе. В соответствии с разделом 18 Юридического кодекса США, раскрытие любой информации о кодах или шифрах США или любому иностранному правительству или любой информации в отношении приобретения или использования любого устройства, или устройство с таким кодом подлежат наказанию и / или тюремному заключению на срок до десяти лет. Это особенно касается вчерашнего дня, и всех предшествующих ему событий. Вы понимаете это, Селфридж?

Когда я тупо кивнул, он сказал: «Хорошо, тогда тебе нужно вернуться к работе».

«Что за — хуйня!» подумал я, возвращаясь на свой этаж: «Мне не нужна медаль, но немного благодарности было бы неплохо».

К настоящему времени было ясно, что кто-то затирает следы. Мало того, что в моем будущем не было бы парадов с тикерными лентами, я начинал чувствовать, что оказался не в том месте и не в то время.

Депрессия, которую я чувствовал прошлой ночью, вернулась, и она усугублялась тем фактом, что у меня была еще одна неприятная обязанность. Я зашел в Интернет и начал искать адвоката по разводам.

В следующие несколько недель ситуация только ухудшилась. Я увидел ссылку на ФБР, и это напомнило мне об агенте Генри.

Я поискал его в Google и нашел небольшую новость, похороненную в Knoxville News Sentinel. Он сообщил, что федеральный служащий по имени Джон Генри погиб в дорожно-транспортном происшествии в государственном парке Фрозен-Хед. Ему было 37 лет, других подробностей не было. Это меня огорчило. Генри был порядочным парнем, который умер, пытаясь защитить меня.

Я думал, он заслуживает большего, чем усеченный некролог. Я попытался получить немного больше информации из штаб-квартиры ФБР, но наткнулся на глухую стену.

Несколько дней спустя парень, который сидел рядом со мной, высунул голову из-за угла.

— Эй, ты слышал новости? Босс нашего босса получил хорошее повышение. По всей видимости, он совершил какой-то подвиг на праздниках и теперь получает свою награду.

Я ничего не сказал, но внутри меня кипело. Насколько я знал, единственное, что он сделал, чтобы остановить ИГИЛ, — это использовать меня как приманку. А теперь его наградили?

Я думал о том, чтобы поговорить с директором АНБ о том, что происходит. Но прежде, чем я смог поговорить об этом, на Капитолийском холме возникла какая-то шумиха с Израилем. Армия обороны Израиля совершила своего рода вторжение в Сирию, и многие в Конгрессе были возмущены израильской агрессией. Когда выяснилось, что АНБ предоставило ЦАХАЛу

определенные перехваченные данные, раздались вопли протеста. и следующее, что произошло, директор ушел в отставку и у АНБ появился новый лидер. Поговаривали даже об отсрочке закупки Израилем дополнительных ракетных батарей «Патриот», но в итоге сделка состоялась.

Я планировал подавать документы, используя «непримиримые разногласия», но мой поверенный сообщил мне, что Мэриленд не является штатом «без вины». «Прелюбодеяние, дезертирство, осуждение за определенные преступления, безумие, жестокость и порочное поведение — вот основания для развода в Мэриленде», — сказал он.

Какое разочарование! У меня были законные основания для развода с Джинни, но я не мог доказать супружескую измену, не раскрывая секретную информацию, и это могло бы привести меня в мир боли. «Разве нет способа развестись, не пройдя через все это?» спросил я.

— На самом деле, вы можете получить развод без вины в Мэриленде.

Но для этого вы двое должны прожить отдельно по крайней мере год, — весело сказал он мне. — А пока вы можете подать на раздельное проживание, который поставит вас в очередь на полный развод после год разлуки «.

Так я и поступил, но меня раздражало то, что мне пришлось так долго ждать, чтобы освободиться от нее.

Мне также не нравилось платить Джинни временное содержание супруга. После того, что она сделала, это казалось несправедливым, но мои руки были связаны.

Когда зима сменилась весной, мое настроение не улучшилось; во всяком случае, только ухудшилось. Я чувствовал себя все более и более изолированным как на работе, так и дома. Моя работа больше не приносила удовольствия.

Самый большой мой успех стал секретом, о котором никто не мог ничего знать. Вскоре стало понятно, что руководству я не нравлюсь, и мои коллеги начали меня избегать.

За пределами офиса была аналогичная ситуация, но по другим причинам. Все друзья, с которыми мы общались, были парами, которые привыкли общаться в парах.

Я был для них странным человеком. И поскольку никто не знал истории о том, почему мы с Джинни расстались, многие думали, что это моя вина.

В результате я много времени размышлял о своей жизни. Мне казалось, что каждый раз, когда я пытался поступить правильно, меня за это наказывали.

Я пытался защитить Джинни и позаботиться о ней. Я не ожидал, что она будет приклоняться мне за это, но следование супружеской верности было бы неплохо. Точно так же я не хотел оказаться в центре террористического заговора, но когда это случилось, я подумал, что отреагировал довольно хорошо. Мне не нужна почетная медаль, но оценка моих достижений был бы хорошим знаком.

Я все больше начинал чувствовать, что меня использовали. Джинни точно так со мной поступила. Все, что она хотела от меня, это поддержки ее, пока на неё смотрели как на уродца из цирка в школе, в колледже и после до её лечения лазером. Что ж, может быть, это было немного преувеличено — я думаю, когда-то она действительно любила меня, но скорее это была благодарность, а не любовь.

Но эти чувства у неё быстро испарились, когда ее родинка исчезла и другие мужчины начали заглядываться на нее. То же самое и с моей работой. Унизив меня новостью о том, что Джинни обманывала, мой шеф начал использовать меня как приманку для террористов. И

теперь он был награжден, в отличии от меня.

В этом отношении, разве Эстер не использовала меня? Все, чего она действительно хотела, — это чтобы я решил загадку Аль-Андалуса. Когда она получила то, что ей было нужно, она вскочила в самолет и улетела домой, прежде чем я успел даже попрощаться. С тех пор я ни слова от нее не слышал.

Я знал, что это не совсем справедливо. В конце концов, Эстер спасла мне жизнь, и для этого она поставила бы на кон свою жизнь. Тем не менее, она бы не сделала этого, если бы не думала, что я могу ей помочь.

В общем, я устал от того, что меня все используют, устал оставаться в браке с изменяющей шлюхой-женой и устал работать, где меня не ценили. Я почувствовал растущее желание уйти, оставить все позади и начать сначала где-нибудь подальше, где ко мне никто не предъявлял претензий. И как только я попаду туда, я поклялся поставить себя на первое место. Я провел слишком большую часть своей жизни, пытаюсь делать что-то для других людей; теперь пришло время делать себя и свою жизнь.

Старый я был бы в ужасе.

— Не делай поспешных действий. Ты должен помогать другими, — объяснил бы я.

Пошло всё к черту! Несколько раз в жизни я принимал важное импульсивное решение, и все шло хорошо. Теперь я собирался принять еще одно важное решение, которое казалось мне правильным. Если кому-то это не нравится, вернуть их.